

В.А.СИДОРЕНКО

ЭПИТАФИЯ СКИФСКОГО ЦАРЯ АРГОТА

При раскопках на городище Неаполя Скифского вблизи от городских ворот в 1999 г. были найдены фрагменты известняковой плиты с греческим текстом, части которого сохранились более чем на пятидесяти обломках камня и были соединены в восьмистрочную надпись, представлявшую собой метрическую эпитафию. После предварительной публикации [Виноградов, Зайцев 2003, с. 44-53] надпись опубликована ее находчиком Ю.П.Зайцевым [Зайцев 2003, с.52, рис. 37, 1, 40-41] почти без изменений.

Восстановление издателями в конце первой строки глагола ἵστημι (ставить, укреплять, воздвигать, возводить и др.) практически переводит всю надпись в разряд строительных, а соотнесение восстановленного аориста ἔστησεν с именительным падежом “повелителя” Скифии) повлекло некорректное чтение и последующее восстановление надписи, воссоздание недостоверных глагольных форм (λιπόιτα, κίδασεν), обилие недопустимых зияний в восстановленных частях текста (καὶ ἰσχυῖσι, δὲ ἐξήκοιτα, τε ἔφυσεν). Хотя авторы и заявляют, что “лакуны между фрагментами были вычислены до миллиметра” [Виноградов, Зайцев 2003, с. 46], восстанавливаемые фрагменты порой превышают размеры лакун (стркк. 5, 6, 7), или же по недостаточности заполнения их произвольно дополняются неоправданной содержанием текста элидированной частицей (стрк. 8). Кроме этого в восстановление включены два фрагмента, отличающихся от основного текста и палеографией, и размерами шрифта, не соединяющихся по сколам с остальными и рознящихся с ними большей толщиной камня. Оба они относятся, очевидно, к другой надписи, возможно, располагавшейся на том же памятнике и представлявшей прозаический *super anaglypho*. Попытка издателей включить эти фрагменты в метрическую надпись привела к появлению

искусственно воссозданного “гомеризма” ἄγευς. Подобное насильственное обращение с текстом отдалило его от понимания и возможности составления корректного перевода.

По результатам предлагаемого издателями перевода, памятник представляется установленным непонятно чем прославившемуся Арготу неким анонимным повелителем Скифии. По их же предположению, учредителем памятника являлся скифский царь Скилур, не названный в надписи, а Аргот был его предком, членом царской фамилии, отождествляемым с Арготом, который упоминается в боспорской надписи КБН 75 как супруг боспорской царицы Камасарии, вдовы Перисада III. Предварительная публикация и предложенные в окончательном варианте Ю.П.Зайцевым восстановление, чтение и перевод этой надписи [Зайцев 2003, с.52] нуждаются в пересмотре, которому и посвящена данная статья.

Приводим редактированный текст и перевод надписи.

Super anaglypho:

[Βασιλ]εὺς [Ἄ]ργ[ο]τος υἱὸς βασιλέως τοῦ δεῖνος χαῖρε.]

Sub anaglypho:

¹ Λαίνεον τόδε σῆμα μεγαυχ[ήτοι]ο ἐ[σο]ρᾶς]
[Ἄ]ργότου· ὁ Σκυθίης κοίρανος [π]ροβό[του]
[αἰ]ζήσις δ' ἔλιπον τᾶ ποθῆν πρὸς [τὸν οὐ παρόντα]
[εἴ]νεκεν Ἑλλάνων στέργε φιλο[π]τόλεμον],
⁵ [π]ολλὰ δ' ἔκ[τ]ισ[ι] ἡσ[σ]οσι κεκάμω [ἐκ τῶν πόλεων]
Θραικῶν Μαιω[τῶν θεῶν] ὅπιν ἐδά[μ]ασσα],
υἱεῖς δ' [ἐξήκο]ντα κόρας ἴσας τεκνοσάμενος]
θρέψ' [αὐτούς] γυ τοῦ παιδὸς ἰδ[ι]ου ὄμοια].

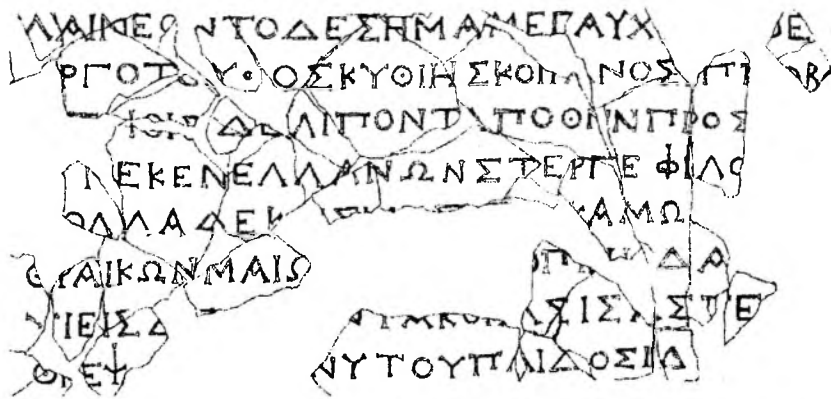
Царь [Ар]г[от, сын царя..., прощай!]

Каменный этот памятник прославленного ты видишь
Аргота: властитель Скифии, богатой конскими пастбищами,
здравствующим я оставил здесь томление по отсутствующему,
в отношении эллинов предпочитал [воинственность],
многими выплатами [от городов] подвластных завладел,
фракийцев, меотов, с благоволения [богов], покорил,
сыновей [шесть]десят и дочерей равных (числом) [усыновив],
вскормил [их] же подобно собственному ребенку.

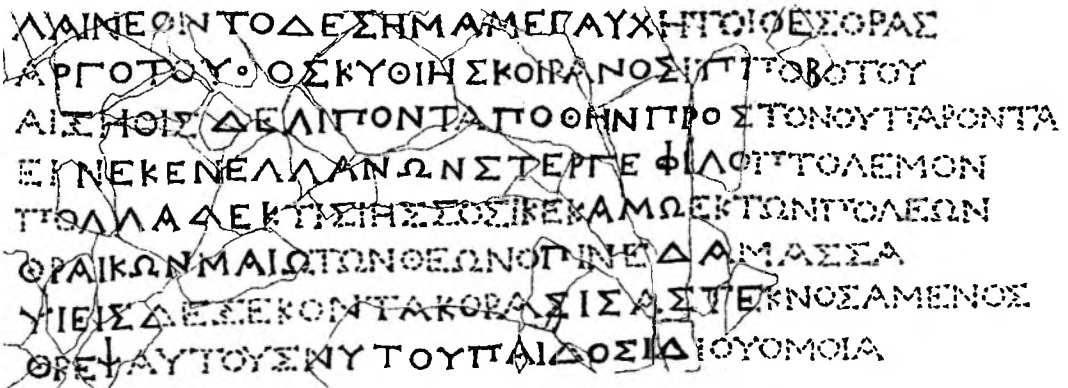
Метрическая часть надписи исполнена в обычном для эпитафий размере элегического дистиха и состоит из четырех двустиший с мужской цезурой после седьмого слога в четной строке. Каждый стих занимает одну строку. Судя по

сохранившимся частям текста, автор не был тонким стилистом, избегал витиеватых и сложных поэтических выражений, пользовался компиляциями и реминисценциями, заимствованиями из древних авторов. Начало каждого двустишья, кроме первого, отделяется элидированной частицей δε, стоящей после первого слова строки гекзаметра. Подобная особенность встречается в боспорской метрической эпитафии, состоящей из пяти элегических двустиший [КБН 127]. Еще одна боспорская метрическая эпитафия, состоящая из трех элегических двустиший, также сохраняет принцип выделения начала каждого двустишья, кроме первого, частицей δε после первого слова строки, и здесь частица всегда элидирована, подобно как в рассматриваемой надписи. Обе боспорские эпитафии объединяет принцип построения, при котором они начинаются обращением к прохожему или страннику, а основная часть представляет повествование от лица самого умершего. В подобных метрических эпитафиях часты компиляции, например, в эпитафии КБН 127 первый дистих почти дословно совпадает с начальным дистихом надписи КБН 129, из которой, по-видимому, и был заимствован. Как отмечалось издателями КБН, №№ 127 и 129 воспроизводят один из широко распространенных в Греции типов эпитафий [Реек, GVI, I, p.370; КБН, с. 124]. Но объединяемые в эту группу метрические тексты с формулами обращения к прохожему (παροδῆϊτα) или страннику (ξένε) разнообразны. Среди них встречаются эпитафии, составленные в типичной форме эпиграммы, но особый тип представляют другие – с обращением от лица погребенного. Подобный тип неапольской эпитафии определяет читаемый в стрк. 3 активный аорист 2 1-го л. ед. ч. глагола λείπω – ἔλιπον – я оставил (та же форма и 3-го л. мн. ч.), который позволяет восстанавливать и остальные глаголы во второй части в первом лице ед. ч.

Стрк. 1. Язык надписи содержит архаизмы и реминисценции из эпической поэзии, к которым относится начинающий ее эпитет λῆϊνεος [Ном., II. III, 57; Od. XIII, 106]. Употреблению его в поэтических текстах есть немало примеров, относящихся, в основном, к периоду деградации стиля в I-II вв., в том числе и на Боспоре [КБН 142, 147]. Восстанавливаемый издателями в первой строке созидательный глагол в активном залоге аориста не вступает в противоречие с существительным σῆμα (памятник, могильный знак, гробница, могила), у которого совпадают окончания ном. и асс. в силу особенностей 3-го склонения на переднеязычный τ. Так же и поставленное в начале строки и согласованное с этим существительным прилагательное λῆϊνεον в среднем роде имеет сходные окончания ном. и асс. Но возникающая неясность в падежах не столь существенна, поскольку в самой надписи находится неперменный критерий, позволяющий определенно судить о ее характере. Издатели не могли не обратить внимания на разделительный знак в виде маленького кружочка после

1

2

Рис. 1. 1 – Текст эпитафии по Ю.Г.Виноградову и Ю.П.Зайцеву (без привлекавшихся к восстановлению двух разрозненных фрагментов); 2 – предполагаемое восстановление текста.

имени во второй строке, но не придали ему никакого смыслового значения, связав восстановленный в первой глагол с *κοίρανος* (повелитель, властитель), стоящим после этого знака. В повторном издании надписи Ю.П.Зайцевым эта несуразность сглаживается корректировкой, по которой разделительный знак обретает буквенное значение [Зайцев 2003, с. 52]. Между τῶν он соответствует κόνου, заключающему клаузулу *λαίνεον τόδε σημά μεγαυχῆτος* [ἐ[...]] [Ἄ]ργούτου: – *Каменный этот памятник прославленного ... Аргота*. Очевидно, что отсутствующий глагол, несмотря на сохранившийся начальный эпсилон, отнюдь не обязательно стоял в аористе.

В качестве аналогии достаточно обратиться к стихотворной эпитафии из Аполлонии [IGBR I, 346]: Φλαβίου Φήλικος τόδε σῆμα εἰσοράς, ὃ παροδέϊτα... (*Флавия Феликоса этот памятник ты видишь, о, прохожий,..*). Из Аполлонии происходит и другая надпись с выделением вводного оборота частицей: Ἐνθάδε ἐγὼ κεῖμε Ἐκάτη θεὸς ὡς εἰσοράς... [IGRB I, 345]. По аналогии из поэтических текстов в конце первой строки восстанавливается глагол εἰσοράω со значением *смотреть, рассматривать, глядеть, наблюдать, созерцать, видеть, любоваться*. По ритмическому строю, при котором начальный слог этого глагола попадает в предпочтительно дактильную пятую стопу, здесь абсолютно подходит поэтическая форма εἰσοράς (εἰσορ- = εἰσορ-). Отметим совпадение написания этого глагола со староаттической и ионийской формами (εἰσοράω). Первая строка уверенно восстанавливается: Λαίινεον τόδε σῆμα μεγαυχή[ήτοι]ο εἰσοράς].

Упоминание прохожего в тексте отсутствует, но подразумевается в εἰσοράς]. Обращения к прохожему в эпитафиях встречаются начиная с ранних памятников греческой эпиграфики [Lattimore, p. 231]. Иногда – это прозаическая формула, помещаемая в заключительной части текста прозаического или метрического [IGBR I, 222, 228 bis, 345; IGBR II, 494, 688, 744, 813, 820, 828; КБН 1051], или же поэтическая, включаемая в метрический текст [Peeck, 234, 284, 288, 305, 319, 326, 371, 428, 429, 432; IGBR I, 221, 227, 346]. Стихотворные эпитафии известны и среди эпиграфических памятников Херсонеса I-III вв. н.э., в том числе заключающие подобное обращение к прохожему или прохожим [IPE I², 485, 516, 519, 716; Граков, 8; НЭПХ I, № 58; НЭПХ II, № 186 (IPE I², 716)].

Стоящее перед глаголом прилагательное μεγαυχῆς (*славный, прославленный*) могло относиться и к самому “памятнику”, если утраченное окончание его соответствовало падежу прямого дополнения среднего рода. Но по метрике строки наиболее убедительным является предложенное издателями окончание с поэтической формой родительного падежа во втором склонении на -οιο. К тому же, памятнику уже сопутствует начинающий строку эпитет, каковые обычно не бывают множественными в надписях подобного жанра в сочетании с местоимением τόδε. Сопровождение эпитетами памятников известно для метрических эпитафий, например [IG II², 3639; Граков, 53]: [Μ]νημα τόδε ὑψιφανές Δη[οῦ]ς ζακ[ό]ροιο δέδωρκας – “Памятник этот, заметный высотой, храмового служителя Диу (ты) видишь”. Глагол δέωμαι (аог. 1 ἐδέρχθην; 2 ἔδρακον) – *смотреть, глядеть, видеть*, используется в поэтических текстах, но эпический аог. 2 – δράκον, а наиболее употребительно pf.-praes. δέωμαι [Hom., Aesch., Soph., Hes., Eur.], что исключает возможность использования его в надписи, где от глагола сохранился начальный ε. Отметим gen. sing. на -οιο, аналогично восстанавливаемому в нашем тексте.

Стрк. 2. В начале строки издатели восстанавливают первую букву в имени Аргота, с чем есть все основания согласиться.

Все последующее повествование ведется от первого лица, точнее самого Аргота (ближайшие по топографии стихотворные эпитафии из Херсонеса представляют различные варианты обращений от первого лица, как от имени погребенного [IPE I², 516], так же и от имени стеллы, под которой он погребен [IPE I², 482]), и сообщает о нем – ὁ Σκυθῆς κοίρανος ἱπποβό[του]. Отметим существование личного имени Κοίρανος [IGBR I, 253, 409 ter.], но в контексте нашей надписи использован оборот, исключающий иное чтение, кроме “властитель Скифии”, что синонимично царскому рангу Аргота. Отглагольное существительное κοίρανος (Hom., Soph.) в метрическом тексте приобретает более конкретное значение *царской* власти, поскольку поэтический глагол κοίρανεῖω соответствовал таким действиям, как “царствовать, управлять сражением” (Hom., Aesch.). На бытность Аргота именно царем косвенно указывают и стркк. 4, 6, где сообщается об отношении его к эллинам и усмирении или подчинении фракийцев и меотов.

В метрической строке Аргот не назван собственно царем – это известное явление, когда звания, наряду с именем, патронимиком или когноменом, этниконом, упоминаются в предшествующей поэтическому тексту прозаической части, а метрическая включает синонимы. Это склоняет к мысли, что на памятнике размещалась и другая, прозаическая надпись, которой принадлежали два отличающиеся палеографией и габаритами букв фрагмента, присоединенные к восстановлению надписи ее издателями. На одном из этих фрагментов возле изображения наконечника копья сохранились буквы, по которым восстанавливается именительный падеж βασιλεύς. Второй фрагмент с читаемой на нем буквой Γ, возможно, принадлежал имени [Ἄργυ[οτος] или [Ἄργυ[ότας] (как восстанавливается именительный падеж этого имени в боспорской надписи КБН 36). Можно предполагать, что в надписи сообщался и патронимик, которого, к сожалению, не сохранилось.

В восстанавливаемом super anaglypho имя царя стоит в именительном падеже. Издатели КБН отмечали, что необходимый при императиве прощального приветствия χαῖρε звательный падеж нередко в эпитафиях (как в прозаических, так и в метрических) заменяется на именительный, предполагая здесь некую случайность [КБН 119, 133, 137]. Между тем, в употреблении звательного или именительного падежей есть закономерность. Звательный падеж имени указывает на то, что приветствие обращено к погребенному, в соответствии с этим при наличии метрического текста эпитафии он строится в форме эпиграммы, то есть, обращения к погребенному в элегических двустушиях от лица их составителя или читающего. Таковы же, в основном, и

краткие прозаические эпитафии. Иначе, когда в метрической части эпитафии обращение адресовано прохожему или страннику от первого лица (то ли памятника, то ли погребенного под ним), тогда χαῖρε адресуется прохожему или прохожим, которые могут упоминаться в обращении (*прощайте, прохожие*), а имя погребенного стоит в прозаической части не в звательном, а в именительном падеже.

О заключающем строку слове издатели отмечали: “Поскольку прилагательное ἰππόβο[του] никогда не употреблялось для частных лиц, уместно отнести его и здесь к самой стране Скифии, обильной выгонами для выпаса коней” [Виноградов, Зайцев 2003, с. 48]. Из этого можно ошибочно заключить, что указанное слово всегда выступает в качестве прилагательного, каким оно действительно существует в значении “богатый конскими пастбищами” (Hom., Eur.). Но известно также личное имя Ἰππόβοτος [Dornseiff-Hansen, p. 291], существительное ἰππόβοτης (gen. -ου), отличающееся окончаниями nom., dat. и acc. sing., значило “конеvod” (Eur.), гиппоботами также назывались крупные землевладельцы в Халкиде. Помещенное в генетиве (как оно верно восстанавливается издателями) после κοίρανος это слово могло бы пониматься и как патронимик. Возможно, дабы избежать превратного смысла, автор надписи воспроизвел предшествующий термин Скифия в ионийском и гомеровском написании Σκυθίης (см. аттич. Σκυθίας), в чем усматривается намек на стилистическое соотнесение с ним прилагательного ἰππόβοτος. Издатели объясняли появление этого ионизма тем, что составитель надписи, вероятно, происходил из Ольвии или Боспора [Виноградов, Зайцев 2003, с. 48]. Едва ли такое предположение правомерно, поскольку в стрк. 4 мы найдем доризм Ἑλλάνων (см. Ἑλλήνων), из чего не следует предполагать различное авторство строк или двойственное происхождение автора. Заметим, что для элегического дистиха как поэтической формы характерна архаизация, включение в текст формальных реминисценций и заимствование терминологии. Известны случаи соединения в элегическом дистихе гомеровских эпитетов с архаичными геродотовскими этническими и географическими терминами уже во времена Марка Аврелия [IG II², 3606; Граков, 51]. Во фразе ὁ Σκυθίης κοίρανος ἰππόβο[του] эпитету определенно предано гомеровское и еврипидовское значение, на что, возможно, намекает ионизм Σκυθίης.

Стрк. 3. Издатели попытались связать строку с неприсоединяемыми к надписи двумя фрагментами текста. Воспроизводимое конструированием существительное они объясняют как элемент грамматики гомеровского диалекта “стяжением из ἄγος и ἄγεος”. Но само конструируемое таким образом ἄγευς не имеет примеров употребления. Если же его проецировать, исходя из гомеровского слияния εὐ>ου, в аттический диалект, то искусственно

воссоздаваемого ἄγους там также не обнаружится. Следует отказаться не только от предлагаемого восстановления окончания строки, но, как отмечалось ранее, и от принадлежности привлекаемых двух фрагментов к данной метрической надписи.

Существительное от прилагательного с окончанием *dat. plur.* в начале строки верно восстановлено издателями как [αἰ]ζήοις, но сопровождается отягощенным переводом “доблестным военным мужам”, тогда как его изначальное значение “полный сил, здоровый, бодрый” [Ном., II., II, 660, IV, 280, VIII, 198, XXIII, 167, XXIV, 4] определяет во множественном числе “полных сил, здоровых, бодрых” – то есть, “здравствующих, живых”. Следующий за частицей δε глагол λείπω (*оставлять, покидать* или *оставлять после себя, умирая* – Ном.) обрел в чтении издателей форму λιπόντα, тогда как здесь, очевидно, представлена элидированная частица δε и аог. 2 этого глагола с общим для 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. окончанием: ἔλιπον (*я оставил, они оставили*). Что касается следующей пары букв, то это, по всей видимости, наречие τᾶ = τῆ (*в это место, сюда, в этом месте, здесь*). Последующее отглагольное существительное ποθή представлено в асс. *sing.* Отметим, что несовершенный глагол ποθέω – *страстно желать, ощущать недостаток, томиться (по отсутствующему)*, часто встречается в поэтических эпитафиях [IGBR I, 12 ter, 221, 464; IPE II¹, 298; КБН, 134]. Как и он, существительное нуждается в прямом дополнении, а наиболее употребительным, естественным дополнением является Agrh.: τὸν οὐ παρόντα (готовое завершение дактилической строки), что позволяет восстанавливать – ποθήν πρὸς [τὸν οὐ παρόντα] – *томление по отсутствующему*. Заметим, предлагаемое восстановление дает совершенное окончание гексаметра, но в силу непредсказуемости поэтического творчества оно не является единственно возможным.

Стрк. 4. Предложенное издателями безусловно верное восстановление начальных двух букв дает [εἶ]νεκεν, поэтический (εἶνε- = ἐνε-) предлог со значением “в отношении, касательно”, на что указывает его препозитивное положение к генетиву и отсутствие артикля, но применительно к последнему следует учитывать возможность постановки в поэтических текстах артикля или его пропуска ради соблюдения метра. Связанное с предлогом Ἑλλάωνι, как было отмечено раньше, имеет дорийское написание. Возможно здесь, как и в предшествующем ионийском Σκυθίης, форма (в данном случае дорийская) несет смысловую нагрузку, и под эллинами подразумевается греческое население дорийских городов, в первую же очередь – соседствующего со скифами Херсонеса Таврического. Предложенный издателями перевод предлога в типичном для него значении “ради” запутал последующее понимание текста, приведя их к тавтологии στέρυε φιλοφροσύνης], для видимого устранения которой глагол потребовалось переводить существительным. Между тем, из сохранившейся в своей значительной части

строки следует, что речь идет о том, какие личные проявления качеств прижизненно предпочитал (στέργε) покойный в отношении греков. Предлагаемое издателями в восстановлении “дружелюбие” едва ли могло ставиться в заслуги царю и удостаиваться упоминания в эпитафии, поскольку выражало бы подчиненное положение (ср.: φιλόκαισαρ и φιλωόμενος надписей боспорских царей). Впрочем, издатели вообще отнесли в переводе этот эпитет к эллинам; подобный никак не вязался с предполагавшейся ими здесь личностью воинственного по отношению к грекам Скилура. Очевидно, что поскольку далее в тексте эпитафии речь идет о военных заслугах Аргота, восстанавливаемый эпитет имеет значение: φιλο[πτόλεμον] – *воинственность*. В поэтических текстах он встречается только применительно к царям и самостоятельным правителям (ср.: ἔνθα φιλοπτολέμῳ | Ἀυσοῖων βασιλῆι συνέσπετο τῆλ' ἐλάοντι... – *туда он последовал за любящим войну царем авзониюцев, далеко путешествовавшим...* [IG II², 3606; Граков, 51]).

Стр. 5. В лакуне издатели передают как читаемый текст восстанавливаемый ими по остаткам верхних частей букв, что не находит подтверждения на камне. Из этих букв уверенно определяется по остаткам сигма и йота перед ней, оставляющая в начале лакуны место только для одной буквы. После сигмы усматриваются следы апекса близко стоявшей вертикальной гасты, в которой можно предполагать йоту. Далее в лакуне наблюдается след отдаленной вертикальной гасты и верхняя часть сигмы, за которой значительный пробел не сохранил следов букв. Отчетливо читаемые после лакуны буквы дополняются полутора-двумя знакоместами в конце лакуны в [κε]κάμω – аорист 2 conjct. глагола κάμω, поэтические (гомеровские) значения которого для аог. 2 – *изготовить, сделать*, а в среднем залоге – *добывать себе, завладевать*. Дополняется гексаметр недостающим по смыслу адресатом “от городов”, поскольку множественность ([π]ολλα) военной добычи в виде выплат дани (ἐκ[τ]ις[ι] ἤσ[σ]οσι) едва ли согласовывалась с упоминанием конкретного врага или города. Таким образом, восстанавливаем [π]ολλά δ' ἐκ[τ]ις[ι] ἤσ[σ]οσι κε]κάμω [ἐκ τῶν πόλεωσι] – *многими выплатами [от городов] подвластных завладел*.

Стр. 6. В конце строки издатели восстанавливают глагол κ[ι]δα[σεν], значение которого “разливать (свет или влагу)” едва ли могло вписываться в контекст. Отмеченная читаемой на камне каппа в действительности отсутствует, вместо нее по краю скола видна вертикальная гаста без апексов, которая с большей вероятностью восстанавливается в эпсилон. Тогда для йоты на участке скола не остается места. Вся строка предстает с удлинненным на один слог пентаметром: Θραικῶν Μαιω[τῶν θεῶν] ὄπιρ' ἐδά[μασσα] – *фракийцев, меотов, с благоволения [богов], покорил*.

Стр. 7. Для предлагаемого издателями восстановления в лакуне из шести букв нет места (рис. 1), но для его корректировки достаточно устранить зияние

после частицы δε ее элидированием. Буквы τε в конце сохранившейся части строки, понимаемые издателями как частица, которая не оправдана здесь, скорее следует относить к начальным буквам глагола, таким образом восстанавливаем: υἱεῖς δ' [ἐξήκο]ντα κόρας ἴσας τεκνοσάμενος – *сыновей [шесть]десять и дочерей равных (числом) [усыновив]*.

Стр. 8. Предлагаемое издателями восстановление в лакуне θρέψας δ' ἀντί] не может быть принято из неуместности здесь элидированной частицы δε при наличии после фразы другой частицы νυ и соображению, что постановка артикля указывает на размещение управляющего члена предложения в конце строки. Восстанавливаем пентаметр с видимым нарушением ритмики в первой стопе: θρέψ' [αὐτοῦς] νυ τοῦ παιδος ἰδίου ὅμοια – *вскормил [их] же подобно собственному ребенку*.

Здесь и в предыдущей строке речь идет о некоем институте усыновления, очевидно, существовавшем у скифов. Согласно сведениям Плутарха, скифский царь Скилур призвал к своему смертному одру 80 сыновей, завещав им держаться друг друга, то есть сохранять в нерушимости их союз [Plut., Mor. 174 F]. Страбон, ссылаясь на разноречивые свидетельства Посидония и Аполлониды, называет число сыновей Скилура 50 или 80 [Strabo, VII, IV, 3]. Из сообщения эпитафии Аргота явствует, что скифскими царями усыновлялись как дети мужского пола, так и девочки, о чем прежде не имелось свидетельств.

На основе надписи КБН 75, в которой упоминаются Перисад IV Филометор, его мать Камасария, дочь царя Спартока, и Аргот (без царского титула), супруг Камасарии, ранее было высказано мнение, согласно которому вдова Перисада III заключила повторный династический брак с представителем царской семьи одного из соседних варварских племен между 170 и 150 гг. до н.э. [Vinogradov, p. 531-537; Stolyarik, p. 96-97; Толстиков, Виноградов, с. 295-296]. Обращаясь к вопросу датировки этих событий Яйленко обратил внимание на то, что в списке жертвователей Аполлону Дидимейскому [Граков, 38] царица Камасария Филотекна выступает без Перисада III, и предположил, что Перисад III к этому времени (178/7 г. до н.э.) умер и Камасария правила одна в качестве регентши при несовершеннолетнем сыне Перисаде IV [Яйленко, с. 306]. Эпитафия скифского царя Аргота содержит новые важные исторические сведения. Если Аргот эпитафии и Аргот, упоминаемый в боспорской надписи КБН 75, одно и то же лицо, то в истории Таврики выделяется период политического объединения Скифии и Боспора, закрепленного династическим браком вдовы Перисада III Камасарии и царя Скифии Аргота. Предположения о регентстве Камасарии едва ли правомерны, поскольку из перечисления в надписи КБН 75 царя Перисада, царицы Камасарии и ее супруга Аргота (оставшегося, вероятно, царем Скифии,

но не имевшего легитимных прав для царствования на Боспоре), Камасария была соправителем своего сына Перисада IV. Возможно к 178/7 г. до н.э., когда Камасария выступает жертвователем храму Аполлона Дидимейского, она уже состояла в браке со скифским царем Арготом, отсутствие которого в числе жертвователей кажется естественным по причине почитания им иных богов. Неупоминание же Перисада IV объяснимо тем, что в 178/7 г. до н.э. он еще не был соправителем Камасарии. К этому времени относится обострение политической обстановки в Северном Причерноморье, выражавшееся, с одной стороны, в активизации скифов, с другой – в консолидации ряда городов и государств с Понтийским царством, представлявшим интересы Рима. В 179 г. до н.э. в мирный договор между Фарнаком I Понтийским, Эвменом II Пергамским, Прусием II Вифинским и Ариаратом V Капподокийским были включены кроме правителей части Армении сарматский царь Гатал и общины автономных городов Гераклеи, Месембрии, Кизика и Херсонеса [Polyb., XXV, 2]. Договор херсонеситов с Фарнаком I заключался в принесении взаимных клятв, текст которых запечатлен в эпитафическом памятнике [IPE I², 402]. В клятве, приносимой Фарнаком выделяется пункт, согласно которому он обязуется оказывать посильную военную помощь херсонесцам, “если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев” [IPE I², с. 360], что свидетельствует о реальности такой угрозы. Поскольку в списке посвятителем храму Аполлона Дидимейского 154/3 г. до н.э. фигурирует уже царь Перисад IV [Πουτικά, с. 299; Граков, 39], можно полагать, что распад династического союза и брака Аргота и Камасарии произошли не позднее 154 г. до н.э. Независимо от того, смертью кого из супругов был прерван союз, самостоятельное правление Перисада IV могло начаться только после смерти Аргота, которая также должна была произойти не позднее 154 г. до н.э. Близким временем (ок. 154 г. до н.э.) может датироваться и поэтическая эпитафия скифского царя Аргота.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Граков – *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ, 1938, № 3. М., 1939, с. 231–315.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
- НЭПХ – *Соломоник Э.И.* Новые эпитафические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. I, Киев, 1964; II. Киев, 1973.
- Толстиков, Виноградов – *Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. М., 1999, с. 282-304.

- Ποῦτλκᾶ – Латышев В.В. Ποῦτλκᾶ. СПб., 1909.
Яйленко – Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990, с. 249-309.
Dornseiff-Hansen – Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957.
IG – Inscriptiones Graecae.
IGBR I – Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Vol. I. Inscriptiones orae Ponti Euxini. Editio 2. Serdicae, 1970.
IPE – Latishev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. I-IV. Petropoli. 1885-.
IPE I² – Latyshev V. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad Regnum Bosporanum. Eterum Edidit. Petropoli, 1916.
Lattimore – Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitafs. Urbana, 1942.
Peek – Peek W. Griechische Grabgedichte. Berlin, 1960.
Stolyarik – Stolyarik E. The region and chronology of the archon Hugiaenon // AJN, 1998, Second Series 10, p. 94-112.
Vinogradov – Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997.

V.A.Sidorenko
Epitaph of Scythian King Argot
Summary

In 1999, during the excavations of Neapolis Scythian (in Crimea), near the town gate a number of debris of the lime slab with poetical Greek inscription were found. The translation and reconstruction of parts of this inscription were published in a preliminary publication by the Yu. G. Vinogradov and Yu. P. Zaitcev [The new epigraphy antiquity from Scythian Naples (preliminary publication) // Archaeology, 2003, n. 1, Kyev, p. 44-53 (in Ukrainian)], and only by Yu. P. Zaitcev [Neapolis Scythian (II Century B.C.- III Century A.D.). Simferopol, 2003, p. 52, pages 37, 1; 40-41 (in Russian)]. In their opinion the memorial was founding by Scythian king Scilur, whose name is not mentioned in the inscription. The epitaph gives interesting information on famous king Argot, but the historical reconstruction of interrelations between Argot and Scilur is not motivated. Wrongly restored in the end of first line a verbal ε[σπησεν] in the literal sense was transferred inscription to building category. The authors by mistake join for restore text two heterogeneous fragments from excavations in 1950. Restored parts of the text contain hiatus, sometimes is not commensurable with blank in stone.

In article the author proposes redacted reading with partial restore and translation of the poetical epitaph.